

Главная | Поиск по алфавиту | А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

Воскресенье 24-11-2024 | 16:32

[<<Вернуться назад](#)

ФРАНЦ ВИЛЬБУА

РАССКАЗЫ О РОССИЙСКОМ ДВОРЕ

IV. Короткие рассказы из жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I.

Если когда-либо в истории была жизнь столь необычная и так наполненная событиями, что она заслуживала бы того, чтобы быть рассказанной грядущим поколениям ¹, так это жизнь царицы Екатерины, жены царя Петра I ², которому она наследовала после его смерти.

Доказательство этого читатели найдут в этих мемуарах, написанных не для того, чтобы быть опубликованными, а только для личного удовлетворения человеком, длительное время находившимся в свите российского двора. Его обязанности требовали, чтобы он точно знал все то, что там происходило, даже самое важное и самое тайное. Обо всем этом он вел нечто вроде дневника, из которого взяты нижеследующие рассказы, на правдивость которых можно положиться, хотя они должны показаться невероятными всякому человеку, который не имеет точного представления о том, что происходило на Севере во время царствования Петра I — государя, единственного в своем роде и необыкновенного как в своих добродетелях, так и в своих недостатках.

Все так необычно, так ново, все так удивительно с самого начала и до самого конца дней Екатерины, что я не удивлюсь, если многие не поверят в точность этих рассказов. Я это им охотно прощаю. И хотя имеются еще тысячи свидетелей тех фактов, которые здесь изложены, я понимаю, что нужно было самому быть очевидцем, чтобы поверить всем этим фактам, как они того заслуживают. Я думаю, что не будет преувеличения сказать, что своими деяниями Екатерина равна (если не превосходит ее) Семирамиде и Тамаре, а в отношении любовных приключений она превосходит невесту короля Гарба, которая, однако, является лишь плодом фантазии, в то время как Екатерина осуществила все это в действительности.

Столь смелые сравнения обещают неслыханный пример капризов и милостей судьбы. Едва ли во всей истории как древней, так и современной, можно было бы найти такой пример, который позволил бы лучше почувствовать, как то непостижимое, которое одни называют судьбой, а другие — провидением, потешается по своей прихоти над правилами людского благоразумия, чтобы из ничего сделать нечто самое великое среди людей и чтобы поднять из ничтожества до вершин славы тех, кого оно захочет облагодетельствовать. Мы увидим здесь бедного [140] подкидыша, извлеченного из бездн ничтожества и поднятого до вершин почестей такими средствами, которые другим принесли бы лишь презрение.

Будет показано, как вопреки всякому здравому смыслу, вопреки законам страны, законам естественного права она вступит на трон в ущерб правам законных наследников, которым он принадлежал, и будет править чрезвычайно отважными народами, которые до этого никогда не управлялись женщинами. Эти народы были, естественно, обеспокоены, так как они испытывали сильную привязанность к роду своих господ и подлинных государей, потомки которых по прямой линии еще существовали. Наконец, мы увидим как она спокойно умрет неограниченной самодержицей ³ огромной империи, грозной для всех государств Севера и Азии.

Но так как эти рассказы являются лишь секретным добавлением к общеизвестным историческим фактам, то, в соответствии с названием этого сочинения, следует ожидать найти не полную историю жизни Екатерины, а лишь отдельные неизвестные факты, опущенные по незнанию или преднамеренно тем, кто опубликовал упомянутые мемуары. К ним могут обратиться все те, кто захочет быть лучше осведомленными. Что касается меня, то я ограничусь тем, что лишь бегло коснусь всех различных этапов жизни, через которые прошла эта государыня, и проследую за ней по скрытым путям, которые привели ее к тому высокому положению, которое она заняла.

Начнем с ее происхождения и ее рождения, которые были абсолютно неизвестными для всех и (если этому захотят поверить) даже для нее самой в течение всей ее жизни и жизни ее мужа. Несмотря на поиски и расследования, которые этот государь проводил в течение свыше 20-ти лет, он не смог получить никаких сведений по этому поводу. И до сих пор это оставалось бы непроницаемой тайной для всех, если бы за три месяца до смерти Петра I и за два года до смерти государыни необычайное приключение, о котором будет рассказано в конце этих анекдотов, не раскрыло бы с полной несомненностью, что ее звали Скавронская, что родилась она в Дерпте в 1686 году ⁴ и что крестили ее в том же году в католическом костеле.

К этой религии принадлежали ее отец и мать (крестьяне-беженцы из Польши), которые, несомненно, были крепостными, или рабами, как и все крестьяне в Польше. Оттуда они переехали в Дерпт, маленький городок в Ливонии. Здесь нужда заставила их поступить в услужение, чтобы зарабатывать на жизнь. Они жили поденной работой до того времени, когда из-за чумы, охватившей Ливонию, решили уехать, чтобы избежать этой страшной напасти. Они переселились в окрестности Мариенбурга, где вскоре оба умерли от чумы, несмотря на все предосторожности.

После них осталось на воле божьей двое малолетних детей: мальчик, которому едва исполнилось пять лет, и трехлетняя девочка. Другая их дочь осталась в Дерпте. Мальчик был отдан на воспитание одному крестьянину, а девочка — на попечение кюре, местному священнику. Вскоре этот священник и все члены его семьи умерли, бросив это несчастное создание и не успев оставить никаких сведений ни о ее рождении, ни о том, как они взяли ее к себе.

Когда Его Высокопреосвященство господин Глюк, суперинтендант, ⁵ или архипастырь этой провинции, узнал о том бедствии, которое постигло город Мариенбург, он отправился туда, чтобы оказать пастве, оставшейся без пастыря, всяческую помощь и духовное утешение, которые ей были так необходимы в этом бедственном положении. Этот архипастырь начал свою поездку с дома покойного кюре и нашел там несчастную девочку, которая, увидев его, побежала ему навстречу, называя его отцом и прося есть. Она теребила его за платье до тех пор, пока ее не накормили. Тронутый состраданием, он спросил, чей это ребенок, но никто (ему) не мог сказать это. Он навел справки во всей округе, спрашивал всех, не знает ли кто ее родителей, чтобы отдать ее им. Но, поскольку никто ничего о ней не знал и никто ее не требовал, он был вынужден взять на себя заботу о ребенке. Она сопровождала его в течение всей его поездки, и в конце концов они прибыли в Ригу основную его резиденцию. Правда, во время чумы и войны, которые

наносил) большие опустошения, эта резиденция не была столь постоянной, так как он был вынужден часто переезжать из одного места в своем округе в другое, гонимый страхом или по велению своего долга.

Вернувшись в свою главную резиденцию, он отдал своей жене (лютерански священники могли жениться) эту несчастную девочку, чтобы она о ней позаботилась. [141] И эта добродетельная дама охотно приняла ее и воспитала вместе со своими двумя дочерьми примерно того же возраста. Она оставила ее у себя в качестве служанки, пока той не исполнилось 16 лет. Когда та достигла этого возраста, хозяйка решила, судя по поведению девушки, что ей скоро наскучит ее положение ⁶. Вот почему ее хозяйева, боясь, что, несмотря на хорошее воспитание, которое они ей дали, природа может в самый неожиданный момент взять верх над рассудком, решили, что пришла пора быстро выдать ее замуж за одного молодого брабанта ⁷ — солдата, который находился в Мариенбургском гарнизоне. Девушка показалась ему приятной, и он попросил ее руки. Не существовало никаких препятствий для выполнения церемониальных формальностей совершения брака, и если они не были выполнены с большой пышностью, то, тем не менее, было большое стечение народа, любопытствующего увидеть новобрачных.

Можно найти не одного свидетеля, заслуживающего доверия, который помнит эту свадьбу. Следовательно, напрасны попытки некоторых людей убедить публику, что все, сказанное об этой свадьбе, является чистой фикцией ⁸. Тем, кто отрицает эту свадьбу, остается единственное средство против стольких свидетелей — предположить (без всяких к тому оснований), что, поскольку союз этих двух людей был очень непродолжителен, а официального акта скрепления этого союза не имелось, следовательно, брак этот следует рассматривать как недействительный. Говорят, будто молодые люди якобы не успели найти за три дня момент, необходимый для того, чтобы поставить последнюю печать на своем союзе. Это тем менее вероятно (пусть не прогневаются те, кто не верит), что хозяйева дома, где и благодаря кому проходила свадьба, казалось, имели причины, чтобы новобрачные придерживались не только простых формальностей церкви.

Довольно об этом предмете. Чем дальше идешь вперед, тем труднее углубляться в него, так как время, которое хранит воспоминания даже о самых известных вещах, должно, естественно, скрыть этот факт в глубоком забвении. Принимая во внимание, что уважение к людям, которых он особенно интересуется (Елизавету — теперешнюю русскую императрицу и герцога Гольштейнского, который должен был стать шведским королем и русским императором, оба они считают эту женитьбу чистой фикцией), положит предел любопытству тех, кто хотел бы провести расследование надлежащим образом. Такой важный факт вполне заслуживает этого отступления.

Вернемся теперь к Екатерине, героине этих рассказов, и посмотрим, что стало с ней после этой свадьбы с вышеназванным брабантом. Этот человек, поступив на службу к шведскому королю Карлу XII в качестве простого кавалериста, был вынужден через два дня после свадьбы покинуть свою жену, чтобы уйти со своим отрядом догонять войска шведского короля. Он прибыл в Польшу, где этот король вел войну с польским королем Августом. Екатерина в ожидании мужа осталась у Глюков, где продолжала находиться на положении служанки до того момента, когда превратности войны, которую русские вели в Ливонии, открыли ей путь, вначале тернистый, который однако привел ее к блестящей судьбе.

Выше было сказано, что суперинтендант, у которого она жила, переезжал с места на место, в зависимости от своих дел. Он находился в Мариенбурге, когда этот город был неожиданно осажден главноначальствующим русских войск фельдмаршалом Шереметевым. Хотя город был довольно хорошо укреплен, гарнизон его был настолько слаб, что не смог оказать достойное сопротивление и сдался на милость победителя. Жители города, чтобы снискать милосердие Шереметева, решили послать к нему пастора

своей церкви. Монсеньор Глюк в сопровождении своей семьи и в роли скорее просителя, чем парламентаря, отправился к этому генералу в его лагерь. Под словами «со своей семьей» нужно понимать: со своей женой, детьми и слугами. Он был очень хорошо принят русским генералом, который нарисовал великолепную картину счастья народов, живущих под властью такого великого монарха, каким был Петр I, а затем похвалил жителей Мариенбурга за их решение покориться. Он многое им обещал и выполнил из этого то, что пожелал.

Я не буду подробно описывать, что он сделал, когда овладел городом. Эта тема не относится к моему рассказу. Скажу только, что он поступил, как тиран, воспользовавшись своим правом победителя, и взял Екатерину в качестве военнопленной, чтобы включить ее в число своей челяди. Она выделялась своей красотой и своей [142] пышной фигурой, поэтому он и выделил ее среди других членов семьи священника во время своей торжественной речи. Неудивительно, что, узнав, что она была служанкой, он решил взять ее себе против ее воли и невзирая на укоры монсеньора. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в дом фельдмаршала Шереметева. Позднее она признавалась, что это расставание, являвшееся первой ступенькой ее возвышения, причинило ей в тот момент много огорчений. Она не только переходила из положения свободной служанки в положение крепостной у того народа, которого она не знала, что было вполне естественно, но и, кроме того, испытывала привязанность к семье, в которой она выросла, и ей было тяжело расстаться с нею навсегда.

В дальнейшем она недвусмысленно доказала свою чрезвычайную привязанность к этой семье, и можно сказать, что в этом отношении ее нельзя упрекнуть в том, в чем слишком часто упрекают сильных мира сего, которым оказали услугу в трудную минуту; имею в виду упрек в неблагодарности. Ее первой заботой было, как только она смогла выразить свою признательность суперинтенданту, призвать его детей к русскому двору, где она их щедро одарила всякими благами и почестями. Хотя задачей моего изложения является доказательство благородства чувств Екатерины, дальше распространяться на эту тему не следует.

Последуем за Екатериной в ее новом положении. Всем известна власть господ над их рабами. В России эта власть была столь сильна в то время, что она имела право распоряжаться жизнью и смертью своих рабов ⁹ безо всякого. Легко догадаться, что фельдмаршал взял к себе Екатерину не для того, чтобы ее убивать. Она это заметила в первые же дни своего пребывания в его доме. Прекрасные чувства почти неизвестны в тех странах, где имеются рабы. Любовь там говорит языком хозяина, который хочет, чтобы ему подчинялись. И раб вынужден делать из страха и в силу своего подчиненного положения то, что в свободной стране он делал бы под воздействием сильной страсти. Екатерина примирилась со своей участью. Будучи женщиной ловкой и далекой от того, чтобы выражать отвращение к своему положению, она охотно была готова пойти на это.

Прошло шесть или семь месяцев с тех пор, как она появилась в том доме, когда в Ливонию приехал князь Меншиков, чтобы принять командование русской армией вместо Шереметева, который получил приказ срочно прибыть к царю в Польшу. В спешке он вынужден был оставить в Ливонии всех тех своих слуг, без которых мог обойтись. В их числе была и Екатерина. Меншиков видел ее несколько раз в доме Шереметева и нашел ее полностью отвечающей его вкусу. Меншиков предложил Шереметеву уступить ему ее. Фельдмаршал согласился, и таким образом она перешла в распоряжение князя Меншикова, который в течение всего времени, проведенного ею в его доме, использовал ее так же, как тот, от кого он ее получил, то есть для своих удовольствий. Но с этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный. Она находила даже некоторое удовольствие от подчинения, в котором она пребывала.

В этом плену она сумела так завладеть своим хозяином, что через несколько дней после ее появления в доме уже нельзя было сказать, кто из них двоих был рабом. Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом ¹⁰, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутивную речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутивном тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя.

Нет необходимости говорить, что это трио не страдало деликатностью. На следующий день царь уезжал утром, чтобы продолжить свой путь. Он возвратил своему фавориту то, что тот ему одолжил. Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании. Однако он не проявил по отношению к ней меньше **[143]** обходительности, чем ко всем персонам ее пола, которых он встречал на своем пути ¹¹, так как известно (и он сам об этом говорил), что, хотя он установил эту таксу как плату за свои любовные наслаждения, данная статья его расходов к концу года становилась значительной.

Надеюсь, что мне простят это маленькое отступление во имя истины и необычности этого рассказа, который одним этим штрихом дает нам представление о характере и темпераменте этого государя. Я не боюсь быть заподозренным в чрезмерном снисхождении к Екатерине, говоря, что нельзя рассматривать проявление минутной нежности с ее стороны по отношению к царю как ее неверность по отношению к Меншикову. Ее благосклонность в этом случае была результатом благосклонности ее господина или, скорее, результатом его приказа, которому она не могла не подчиниться, будучи человеком зависимым. Но, как только царь уехал, она обрушила на Меншикова град упреков за то, что он так с нею поступил. Хочу верить, что она не играла комедию, если же она ее играла, то вполне очевидно, что Меншиков ей поверил, так как его любовь после этого события не только не стала меньше, а, наоборот, усилилась до такой степени, что он ничего не делал не только в своем доме, но и во всей армии без одобрения Екатерины.

Так обстояли дела, когда царь вернулся из Польши в Ливонию. Причем, он вернулся быстрее, чем предполагал. Он бы этого не сделал, если бы ему не намекнули, что его присутствие было там совершенно необходимо, потому что жители этой области покидали свои земли целыми группами, чтобы укрыться в соседних странах не столько от чумы, сколько из-за тяжелых поборов Меншикова. Последний, хотя его часто хвалят, был по своей сущности ненасытным скифом в своем стремлении к богатству. В докладах, присланных царю, было слишком много правды. Прибыв в Ливонию, царь холодно обошелся со своим фаворитом. Мотивы этого он ему объяснил в грубых выражениях ¹². Фаворит оправдывался путем всяких измышлений и нелепых доводов, и все это было признано приемлемым именно потому, что он был фаворитом.

Так как царь намеревался остаться на некоторое время в Ливонии, то не стал жить у Меншикова, а поселился в отдельном доме, который был для него приготовлен. Но это не мешало тому, что он постоянно находился в обществе Меншикова, у которого он обедал несколько раз, вовсе не думая о Екатерине, которая делала вид, что она не хочет появляться, когда он приходил.

Однажды вечером, когда он там ужинал, он спросил, что с нею случилось и почему он ее не видит. Ее позвали. Она появилась со своей естественной грациозностью. Это было ей свойственно во всех ее поступках, каковы бы они ни были, но замешательство было так явно написано на ее лице, что Меншиков был смущен, а царь, так сказать, озадачен, что было редким явлением для человека его характера. Это продолжалось лишь одно мгновение, однако это было замечено теми, кто присутствовал при этой сцене. Царь пришел в себя, стал шутить с Екатериной, задал ей несколько вопросов, но, заметив в ее ответах больше почтительности, чем игривости, был задет этим и заговорил с другими присутствующими. Он оставался задумчивым в течение всего остального времени, пока длился ужин.

Русские обычно начинают и кончают свои трапезы стаканом ликера, который им подносят на тарелке перед едою и после нее. Екатерина подошла с блюдом, на котором стояло несколько маленьких стаканов. Царь, посмотрев на нее, сказал:

«Екатерина, мне кажется, что мы оба смутились, но я рассчитываю, что мы разберемся этой ночью». И, повернувшись к Меншикову, он ему сказал: «Я ее забираю с собой». Сказано — сделано. И без всяких формальностей он взял ее под руку и увел в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но не говорил с ним о том, чтобы прислать ему ее обратно. Однако на четвертый день, поговорив со своим фаворитом о разных делах, которые не имели никакого отношения к любовным делам, когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: «Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне ее уступить». Меншиков дал свое согласие кивком головы с поклоном и удалился, но царь позвал его во второй раз и сказал: «Ты, конечно, и не подумал о том, что эта несчастная совсем раздета. Немедленно пришли ей что-нибудь из одежды. Она должна быть хорошо экипирована». Фаворит понял, что это значило, и даже больше. Он знал лучше кого бы то ни было характер своего господина и каким способом ему угодить. [144]

Когда он вернулся к себе, первой его заботой было собрать все пожитки этой женщины, в которые он вложил ларчик с бриллиантами, так как никогда ни один человек не имел столько драгоценных камней, как Меншиков. В описи, которая была сделана во время его опалы и ссылки в Сибирь, значилось одних лишь бриллиантовых пуговиц для одежды три полных комплекта. Уже по этому можно судить об остальном. Меншиков отослал одежду с двумя служанками, которые обычно прислуживали Екатерине в его доме и которым он приказал оставаться подле нее до тех пор пока она сочтет это нужным. Ее не было в комнате, когда этот багаж прибыл, она находилась в комнате у царя, который преднамеренно или случайно ничего не сообщил ей о своем разговоре с Меншиковым. Вернувшись в свою комнату, она была удивлена, увидев там все свои пожитки, которых она не просила. Она возвратилась в комнату царя и сказала в шутливом тоне, который очень ей шел: «Я была довольно долго в Ваших апартаментах, и теперь Ваша очередь совершить прогулку в мои. У меня есть нечто весьма любопытное, чтобы показать Вам». И, взяв его за руку, она его повела туда.

Показав вещи, присланные Меншиковым, она сказала ему более серьезным тоном: «То, что я вижу, говорит о том, что я буду здесь до тех пор, как Вы этого пожелаете, а поэтому будет неплохо, если Вы посмотрите на все эти богатства, которые я принесла». Тотчас она распаковала свои свертки и сказала: «Вот вещи служанки Меншикова», но, заметив ларец, который она приняла за футляр для зубочисток, воскликнула: «Здесь произошла ошибка, вот вещь, которая мне не принадлежит и которой я совсем не знаю». Она его открыла и, увидав там очень красивое кольцо и другие драгоценности стоимостью в 20 тысяч рублей, или 100 тысяч франков, она посмотрела в упор на царя и сказала ему: «Это от моего прежнего хозяина или от нового? Если от прежнего, то он щедро вознаграждает своих слуг». Она немного поплакала и некоторое время молчала. Затем, подняв глаза на

царя, который внимательно смотрел на нее, сказала: «Вы мне ничего не говорите? Я жду Вашего ответа».

Царь продолжал смотреть на нее, ничего не говоря. Она еще раз взглянула на бриллианты и продолжала: «Если это от моего прежнего господина, то я, не колеблясь, отошлю их ему обратно». И затем добавила, показав маленькое кольцо, не очень дорогое: «Я сохраню лишь это, которого более чем достаточно, чтобы оставить воспоминание о том добре, что он сделал для меня. Но если это мне дарит мой новый хозяин, я их ему возвращаю, мне не нужны его богатые подарки. Я хочу от него нечто более ценное». И в этот момент, залившись слезами, она упала в обморок, так что пришлось давать ей воду «Королева Венгрии». Когда она пришла в себя, царь сказал ей, что эти драгоценности были не от него, а от Меншикова, который сделал ей прощальный подарок. Он же признателен ему за это и хочет, чтобы она приняла этот подарок. Благодарить за подарок он станет сам.

Эта сцена происходила в присутствии двух слуг, которых прислал Меншиков, и одного капитана Преображенского полка, которого царь, не предвидя, что могло произойти, позвал, чтобы дать ему приказания. Она наделала много шума в обществе, и вскоре только и говорили, что о знаках внимания и уважения со стороны царя к этой женщине. Все были удивлены его утонченной галантностью обхождения с ней. И это было тем более необычно, что до тех пор все его манеры обхождения с прекрасным полом были крайне бесцеремонны, даже с дамами самого высокого положения. По одному этому уже можно было судить, что он питал к ней настоящую страсть, и в том не было ошибки.

Меншиков первый это заметил и почувствовал, насколько эта женщина, которая позднее была ему очень полезна, будет иметь влияние на царя. Можно предположить, что в прекрасном подарке, который он сделал Екатерине, было больше политики, чем щедрости. Любовь, когда она завладевает серьезно сердцем мужчины, меняет весь его характер.

Никогда еще смертный не был столь мало щепетилен в области скромности и постоянства, как Петр I. Его страсть к Екатерине была первой и, может быть, единственной, и он старался ее скрыть от посторонних глаз. В течение его недолгого пребывания в Ливонии все заметили, что, хотя эта женщина находилась в его дворце, в маленькой смежной комнате (и об этом знали все), он никогда никому не проговаривался о ней, даже своим ближайшим доверенным лицам. Когда Петр I покинул эту область и отправился в Москву, он поручил одному гвардейскому капитану [145] отвезти ее туда самым секретнейшим образом. Он приказал оказывать ей в дороге всяческое внимание и поселить ее у одной женщины, к которой он дал ему письмо. Он приказал капитану непременно в течение всей дороги посылать ему регулярно известия о ней. Это последнее обстоятельство приоткрыло капитану, насколько серьезной и сильной была любовь царя к этой женщине: он достаточно хорошо знал царя и его способность забывать, чуть ли не на другой день, обо всех тех, которым он оказывал внимание.

Екатерина, приехав в Москву, жила там очень скромно, если не сказать замкнуто, в течение двух или трех лет. Она жила в малонаселенном районе, вдали от света, у одной небогатой женщины из хорошей семьи. Дом был невзрачным снаружи, но очень комфортабельным внутри. Именно от этой женщины я получил большую часть тех сведений, которыми поделюсь с читателями. Поселив Екатерину в этом доме, царь преследовал единственную цель: сохранить свой роман в глубокой тайне. Он не хотел, чтобы она принимала у себя людей и сама наносила визиты. Этот приказ Петра, по-видимому, отвечал желаниям Екатерины. Ее ум был направлен на более высокие цели, чем обычная женская болтовня.

Первое время царь, превратившийся сразу из несдержанного в скрытного, видел ее лишь украдкой, хотя не пропускал ни одного дня или, точнее, ночи, не повидав ее. Он выбирал

именно ночное время для своих тайных визитов и действовал с такой осторожностью, что, опасаясь быть узнанным по пути к ней, брал с собою только одного гренадера, который вез его на санях.

О силе его любви можно судить по чрезмерной стеснительности его поведения. Этот государь был очень трудолюбив, и у него было много дел. Необходимость прерывать их не только днем, но и ночью, заставила его снять немного покрывало таинственности со своих ночных отлучек. Он назначал аудиенции своим министрам и обсуждал с ними в присутствии Екатерины самые важные и самые секретные дела. Но вот во что трудно поверить: этот государь, отношение которого к женщинам было хорошо известно (он считал их пригодными лишь для той роли, которую он им отводил до тех пор), не только признал эту женщину способной участвовать в качестве третьего лица в беседах с его министрами, но даже хотел, чтобы она высказывала при этом свое мнение, которое часто оказывалось решающим или компромиссным между мнением царя и мнением тех, с кем он работал.

Это установленный факт. И хотя я лично в этом несколько не сомневаюсь, я бы никогда не осмелился включить его сюда, если бы он не подтверждался свидетельствами многих уважаемых людей, которые принимали участие в совещаниях у Петра I. Они утверждали, что эта женщина, благодаря своей проницательности и природному здравому смыслу, подсказывала им, когда они обсуждали с государем самые сложные и самые важные дела, такие методы и решения, до которых они сами никогда бы не додумались и которые позволяли им выйти из многих больших затруднений и решить срочные дела. Следовательно, неудивительно, что наслаждение, которое называют алтарем любви, послужило лишь тому, что изо дня в день любовь царя усиливалась, так как в ласках и удовольствиях он находил чудесный источник, благотворный для его дел. Это было так благотворно, что, видя в ней все более и более ангела-хранителя, он ничего не скрывал от нее и ей первой сообщал свои самые великие и тайные намерения.

Именно в этот период, когда она жила в полном уединении, общаясь лишь с царем и его министрами в его присутствии, у нее родились две дочери: цесаревна Анна, ставшая затем герцогиней Гольштейн-Готторпской, и цесаревна Елизавета, теперешняя русская императрица. Именно тогда, слушая рассуждения царя и его министров, она вошла в курс различных интересов виднейших семей России, а также интересов соседних монархов. Здесь она познакомилась с главными принципами государственной власти и правительства, которые в дальнейшем она так успешно осуществляла на практике. Здесь же начал развиваться зародыш тех хороших качеств, которыми ее наградила природа и которые в дальнейшем проявились во всем своем блеске.

Однако, отдавая справедливость ее большим талантам, в которых нельзя ей отказать, я не пытаюсь оправдать те злоупотребления, которые она, возможно, допустила. Меня можно было бы заподозрить в пристрастности по отношению к ней, если бы я не упомянул, что именно в тот период жизни в уединении она, чувствуя ту власть, которую имеет над разумом и сердцем своего господина, задумала [146] стать его женой. Чтобы осуществить свое намерение, она сумела воспользоваться тем разладом, который почувствовала в царской семье. Под видом человека, который стремится лишь потушить огонь противоречий между мужем и женой, между отцом и сыном, она в значительной мере способствовала раздуванию этого огня до такой степени, что все это увидели. Всем было известно недостойное обращение царя с первой женой Евдокией, с которой он развелся, заставив ее постричься в монахини, и заточил в ужасную тюрьму, а также его отношение к ее сыну Алексею Петровичу, которого он предал суду и который умер в тюрьме.

Я не буду вдаваться в детали этих двух трагических историй, которые наделали столько шума в обществе, но я должен сказать, что роль Екатерины в этих интригах, которые

привели к гибели матери и сына, была немалой. Она ловко сумела стать главной пружиной этих интриг, делая вид, что в этом не участвует. И она извлекла из всего такую выгоду, на которую могла только надеяться. Публично заняв в кровати Петра место несчастной государыни, она заменила сына этой. последней при таких обстоятельствах, которым не хочется давать определение, так как боюсь оскорбить лиц [13](#), которых все должны уважать и которым сегодня способствует фортуна, умножая их заслуги и добродетели, после того как фортуна заставила их, так сказать, искупить путем невзгод ошибки их родителей.

Я посчитал бы себя виновным в умолчании, если бы, рассказывая о времени, когда родились цесаревны Анна и Елизавета, не упомянул о событии, косвенно касающемся их рождения. В частности, о судьбе брабанта, за которого их мать вышла замуж в Ливонии. Как мы уже видели, что этот человек был в свите шведского короля Карла XII. Он участвовал в Полтавской битве и имел несчастье попасть там в плен, как и 14 тысяч его соотечественников, вместе с которыми он был привезен в Москву, чтобы служить там украшением при триумфальном вступлении 1 января 1710 года [14](#) Петра I — победителя шведов — в главный город своей империи. Эта церемония, столь же блестящая, сколь и таинственная, была широко описана в мемуарах барона Ивана Нестезураной. Я отсылаю к ней тех, кому будет любопытно узнать подробности, потому что я совсем не ставлю себе главной целью излагать то, что всем известно. Хочу лишь сказать об этом мимоходом, добавив только то, что окажется неизвестным.

Теперь мне хочется проследить судьбу брабанта, который после падения Ливонии последовал за шведским королем в походе на Россию и в конечном счете попал под Полтаву, где, как я уже сказал, этот брабант был взят в плен и затем отправлен в Москву. Посмотрим, что с ним стало. Этот несчастный воин узнал там, по-видимому, что происходило между его женой Екатериной и царем. Но он, не ведая разницы между рогоносцем — простым смертным [15](#) и венценосным рогоносцем, решил, что его положение может принести ему какое-то облегчение в его трудностях. И он попросту сообщил обо всем русскому военному комиссару, ведавшему делами пленных. Точно не известно, доложил ли комиссар царю об этом обстоятельстве. Одни это подтверждают, другие отрицают. Как бы то ни было, откровенность бедного брабанта нисколько не облегчила его участи, как он того ожидал.

Безжалостный комиссар, то ли по своей воле, то ли по высшему приказу, немедленно отправил его, как и других пленников, в Сибирь. Если и было какое-либо различие в обращении с ним, так оно состояло лишь в том, что он был послан в самое отдаленное место Сибири. Как говорят некоторые из его соотечественников, которые там его видели, он прожил несколько лет и умер за три года до заключения мира между Ливонией и Россией, в конце 1721 года [16](#). Согласно этому расчету невозможно не прийти к выводу, что упрек сторонников царевича Петра II в адрес герцога Гольштейнского был в их споре вполне обоснован: все дети Петра I от Екатерины родились еще при жизни этого брабанта, о котором более в этих мемуарах не будет упоминаться.

Вскоре после своего триумфального вступления в Москву жадный до трофеев Петр стал замышлять большой поход против турок, которые, казалось, хотели действовать вместе с Карлом XII. Петр I считал их, несмотря на их большую численность, не очень опасными врагами в сравнении с теми, которых он только что победил под Полтавой.

Именно тогда, окрыленный славой, он захотел увенчать свою любовь тайным браком с Екатериной. Вероятно, ей было нужно переменить религию. Ведь она родилась в семье римско-католической веры, но не знала этого, а воспитывалась в [\[147\]](#) лютеранской вере, которую исповедовал архипастырь, в доме которого она оказалась с малых лет. Считая себя достаточно образованной, чтобы отдать предпочтение греко-русской (православной) церкви перед всеми другими, она отреклась от двух прежних, от первой —

бессознательно, по неведению, а от второй — по доброй воле. После этого ее снова крестили, как будто бы она никогда не была крещена, потому что православная церковь считает недействительными все крещения, совершенные в других христианских религиях ¹⁷.

Когда эта церемония была закончена, тот же поп приступил сразу, без всякого шума, к церемонии благословения ее брака с Петром I. Я слышал, как некоторые люди, любители двусмысленных намеков и каламбуров, говорили по поводу различных религий, которые исповедовала Екатерина, что эта государыня поимела много религий. Что касается меня, то я никогда не питал вкуса к подобным каламбурам. Я сказал бы скорее, что частое изменение веры является почти верным признаком того, что у данного лица нет вообще никакой веры.

Утверждают, что цесаревна Марта (иные называют ее Марией; у нее было два имени), любимая сестра царя, немало способствовала этой женитьбе. И в этом нет ничего невероятного. Она не только страстно любила своего брата, но и знала все достоинства иностранки, к которой он питал такую привязанность. Она никогда не симпатизировала Евдокии, несчастной первой жене царя. Она боялась ее возвращения ко двору и старалась найти этому непреодолимое препятствие и отомстить за все неприятности, которые причинила ей та высокомерная женщина. Известно, каким сильным может быть желание одной женщины отомстить другой. Одно лишь это соображение оказалось более чем достаточным, чтобы она охотно одобрила женитьбу своего брата на Екатерине.

Я вынужден в дальнейшем, вследствие ее нового положения, называть Екатерину не иначе, как высокими титулами: государыня, царица, императрица, тем более что тайна ее брака, как только он был осуществлен, существовала лишь в воображении ее мужа. Через три-четыре месяца даже он не придавал этому браку былой таинственности.

Я уже говорил выше, что этот государь строил большие планы по организации кампании против турок. Способ, который он избрал для осуществления этих планов, показывает, что большие успехи часто вредят победителям. Гордый своею победой, которую он только что одержал над Карлом XII, во главе своих отборных войск он выступил против турок, проявляя более самоуверенности, чем осторожности. Желая опередить турок, он устремился вперед, по теснине, опасность которой понял лишь тогда, когда ему было уже невозможно оттуда выбраться.

В тот момент, когда он меньше всего об этом думал, он оказался окруженным турецкой армией со всех сторон на маленьком пространстве. Турецкая армия состояла из 150 тысяч человек, у него же было лишь 30 тысяч человек, безмерно уставших от длинных переходов, которые он заставил их совершить по безводным и пустынным местам, где они испытывали во всем недостаток. В течение трех дней у его солдат не было ни хлеба, ни других продуктов. Усталость солдат была такова, что, лежа на своих ружьях, они не могли пошевелиться. Сам царь, видя, что оказался без всяких источников снабжения, и не надеясь получить их откуда-либо, в отчаянии удалился в свою палатку, где, подавленный горем и упавший духом, растянулся на кровати и предавался своему унынию, не желая никого видеть и ни с кем разговаривать.

В то время Екатерина, которая его сопровождала в этом походе, нарушив его запрет никого не впускать к нему в палатку, пришла туда и внушила ему, что необходимо проявить больше твердости. Она доказала ему, что еще есть выход и нужно постараться что-то сделать, а не предаваться отчаянию.

Этот выход состоял в том, чтобы попытаться заключить наименее выгодный мир путем подкупа Каймакама и Великого везира. Она с большой долей уверенности отвечала за успех этой операции, так как у нее имелись сведения о характере этих двух оттоманских министров благодаря описаниям графа Толстого, сделанным в его многочисленных

депешах, которые она слышала, когда их читали. В то же время она указала ему на человека, находящегося при армии, которого она достаточно знала, чтобы быть уверенной, что он справится с этим делом. Она сказала, что нужно, не теряя ни минуты, направить его к Каймакаму, чтобы прощупать его. После чего она вышла из палатки, не дав царю времени ни вздохнуть, ни ответить, [148] и вернулась туда через мгновение с человеком, о котором шла речь. Она сама дала ему инструкции в присутствии царя, который, благодаря предложению о мирном урегулировании, сделанному этой женщиной, уже начал приходить в себя и, одобрив все, что она сказала, срочно отправил этого человека.

Когда тот вышел из палатки, царь, оставшись с глазу на глаз со своей женой, посмотрел на нее пристально и сказал с восхищением: «Екатерина, этот выход чудесен, но где найдем мы все то золото, которое нужно бросить к ногам этих двух людей? Ведь они не удовлетворятся только обещаниями». «У меня есть драгоценности, — ответила она, — и до возвращения нашего посланника я соберу в нашем лагере все деньги, вплоть до последнего гроша. А Вас я прошу не предаваться унынию и поднять Вашим присутствием дух бедных солдат. Пойдемте, покажитесь им. Впрочем, позвольте мне действовать, и я Вам ручаюсь, что до возвращения Вашего посланца я буду в состоянии выполнить обещания, которые он даст министрам, будь они даже еще более жадными, чем есть на самом деле!»

Царь ее обнял и последовал ее совету, вышел из палатки, показался солдатам и направился в штаб фельдмаршала Шереметева. За это время она верхом на лошади объехала все палатки офицеров, говоря им: «Друзья мои, мы находимся здесь в таких обстоятельствах, что можем либо спасти свою свободу, либо пожертвовать жизнью, либо сделать нашему врагу мост из золота. Если мы примем первое! решение, то есть погибнем, защищаясь, то все наше золото и наши драгоценности, будут нам не нужны. Давайте же используем их для того, чтобы ослепить наших, врагов и заставить их выпустить нас. Мы уже собрали кое-какие средства: я отдала часть своих драгоценностей и денег и готова отдать все остальное, как только вернется наш посланный, если, как я надеюсь, он преуспеет в своей миссии. Но этого не хватит, чтобы удовлетворить жадность людей, с которыми мы имеем дело. Нужно, чтобы каждый из вас внес свою лепту». И так она говорила каждому офицеру в отдельности: «Что ты можешь мне дать, дай мне это теперь же. Если мы выйдем отсюда, ты будешь иметь в 100 раз больше, и я похлопочу о тебе перед царем, вашим отцом».

Все были очарованы ее обходительностью, твердостью и здравомыслием, и, каждый, вплоть до самого простого солдата, принес ей все, что мог. И в тот же момент в лагере воцарилось спокойствие, все воспрянуло духом. Их уверенность возросла еще больше, когда вернулся человек, которого она тайно посылала к Каймакаму. Он принес ответ, что можно посылать к Великому везиру русского комиссара, имеющего полномочия вести мирные переговоры. Дело было вскоре завершено, несмотря на угрозы и интриги шведского короля, который, узнав о положении русских войск, самолично приехал в турецкий лагерь. Он говорил везиру во всеуслышание: «Противника нужно лишь бить камнями. Я требую от тебя только этого. Чтобы тебе выдали царя со всем войском, вплоть до последнего солдата, живыми или мертвыми».

С этого дня в русский лагерь стало поступать достаточное количество продовольствия. На следующий день хорошо снабженная армия отправилась в путь к русской границе, куда она прибыла в достаточно хорошем состоянии, чтобы окончательно выбить шведов с Балтийского моря. Тот, кто захочет быть более осведомленным об условиях договора, заключенного между царем и Портой, могут обратиться к барону Нестезураной, который излагает все происшедшее при Пруте скорее как газетчик, которому за это заплатили, чем как объективный историк.

Можно представить, какое впечатление произвело поведение Екатерины на умы и сердца солдат! Вся русская империя воздавала должное ее достоинствам и заслугам. Царь, бывший все более и более очарованным ее качествами, не мог их замалчивать и всенародно воздавал ей должное. Когда он вернулся в свои владения, то вознаграждал ее, объявив о своей женитьбе на ней, несмотря на ее усилия, искренние или притворные, удержать его от этого намерения. И, чтобы оставить будущим поколениям память о той славе, которую она завоевала на берегах Прута, он учредил в ее честь орден святой Екатерины, сделав ее покровительницей этого ордена.

Начиная с этого времени он хотел, чтобы она сопровождала его повсюду, как во время военных походов, так и во время различных путешествий за пределы его владений. Вернувшись из поездки в Германию, где они вместе посетили несколько дворов, царь начал войну с Персией, и Екатерина следовала за ним повсюду. Она оказала ему столько значительных услуг, что, не зная, как ее отблагодарить за это, [149] он не нашел иного способа, кроме как разделить с ней свою империю и свою власть, заставив весь мир признать ее императрицей всея Руси.

Он заставил всех своих подданных присягнуть ей в верности как своей государыне и неограниченной властительнице, которая будет править ими в случае его смерти. И в этой присяге было сказано, что она, равно как Петр Великий, ее муж, имеет право назначать наследника, какого ей заблагорассудится. В мемуарах так называемого барона Нестезураной, можно найти довольно точное описание этой великолепной церемонии. Она была совершена 26 мая 1724 года в Москве, столице Российской империи. После чего император и новая императрица отправились в Петербург, где по существу возобновилась церемония коронования. Это выражалось в празднествах по поводу их приезда. Все провозглашали славу Екатерине. Ее мужу воздавали хвалу за то, что он поднял ее на вершину человеческого величия и могущества.

Именно в это время, через три месяца после коронования, один непредвиденный случай открыл и установил происхождение этой государыни. Вот как это произошло. Некий крестьянин, конюх на одном из постоянных дворов в Курляндии, будучи пьяным, поссорился с другими подобными ему людьми, такими же пьяными. На этом постоялом дворе находился в то время чрезвычайный польский посланник, который ехал из Москвы в Дрезден и оказался свидетелем этой ссоры. Он слышал, как один из этих пьяниц, переругиваясь с другими, бормотал сквозь зубы, что, если бы он захотел сказать лишь одно слово, у него были бы достаточно могущественные родственники, чтобы заставить их раскаяться в своей дерзости. Посланник, удивленный речами этого пьяницы, справился о его имени и о том, кем он мог быть. Ему ответили, что это польский крестьянин, конюх, и что зовут его Карл Скавронский. Он посмотрел внимательно на этого мужлана, и по мере того, как его рассматривал, находил в его грубых чертах сходство с чертами императрицы Екатерины, хотя ее черты были такими изящными, что ни один художник не мог бы их схватить.

Пораженный таким сходством, а также речами этого крестьянина, он написал о нем письмо не то в шуточной, не то насмешливой форме тут же, на месте, и отправил это письмо одному из своих друзей при русском дворе. Не знаю каким путем, но это письмо попало в руки царя. Он нашел необходимые сведения о царице на своих записных дощечках, послал их губернатору Риги князю Репнину и приказал ему, не говоря, с какой целью, разыскать человека по имени Карл Скавронский, придумать какой-нибудь предлог, чтобы заставить его приехать в Ригу, схватить его, не причиняя, однако, ему никакого зла, и послать его с надежной охраной в полицейское отделение при суде в качестве ответчика по судебному делу, начатому против него в Риге. Князь Репнин в точности исполнил приказание царя. К нему привели Карла Скавронского. Он сделал вид, что составляет против него судебный акт по обвинению его в том, что он затеял спор, и послал его в суд под хорошей охраной, якобы имея обвиняющие его сведения.

Прибыв в суд, этот человек предстал перед полицейским генерал-лейтенантом, который, согласно указанию царя, затягивал его дело, откладывая со дня на день, чтобы иметь время получше рассмотреть этого человека и дать точный отчет о тех наблюдениях, которые сделает. Этот несчастный приходил в отчаяние, не видя конца своему делу. Он не подозревал о том, что около него находились специально подготовленные люди, которые старались заставить его побольше рассказать о себе, чтобы потом на основании этих сведений провести тайное расследование в Курляндии.

Благодаря этому было установлено совершенно точно, что этот человек являлся братом императрицы Екатерины. Когда царь в этом совершенно убедился, то Карлу Скавронскому внушили, что, поскольку он не смог добиться справедливости от генерал-лейтенанта, то должен подать ходатайство самому царю. Ему обещали для этой цели заручиться протекцией таких людей, которые не только найдут для него способ поговорить с царем, но подтвердят также справедливость его дела.

Те, кто осуществлял эту маленькую интригу, спросили у царя, когда и где хочет он увидеть этого человека. Он ответил, что в такой-то день он будет обедать инкогнито у одного из своих дворецких по имени Шепелев, и приказал, чтобы Карл Скавронский оказался там к концу обеда. Это было исполнено. Когда наступило время, этот человек украдкой был введен в комнату, где находился царь. Царь принял [150] его просьбу, и у него было достаточно времени, чтобы рассмотреть просителя, пока ему как будто бы объясняли суть дела. Государь воспользовался этим случаем, чтобы задать Скавронскому ряд вопросов. Его ответы, хотя и несколько запутанные, показали царю довольно ясно, что этот человек был, несомненно, братом Екатерины. Когда его любопытство на этот счет было полностью удовлетворено, царь внезапно покинул этого крестьянина, сказав ему, что посмотрит, что можно для него сделать, и чтобы он явился на другой день в тот же час.

Царь, убедившись в этом факте, захотел устроить сцену в своем экстравагантном вкусе. Ужиная вечером с Екатериной, он сказал ей: «Я обедал сегодня у Шепелева! ⁸, нашего дворецкого. Там был очень вкусный обед. Этот кум хорошо угощает. Я поведу тебя туда как-нибудь. Сходим туда завтра?» Екатерина ответила, что она согласна. «Но, — сказал царь, — нужно сделать так, как я это сделал сегодня: застать его в тот момент, когда он будет садиться за стол. Мы должны пойти туда одни». Так было решено вечером и исполнено на другой день. Они отправились к Шепелеву и там обедали. После обеда, как и в предыдущий раз, в комнату, где находились царь и Екатерина, впустили Карла Скавронского. Он подошел, дрожа и заикаясь, к царю, который сделал вид, будто забыл все то, что тот ему уже говорил, и задал ему прежние вопросы.

Эта беседа происходила у амбразуры окна, где царица, сидя в кресле, слышала все, что говорилось. Царь, по мере того как бедный Скавронский отвечал, старался привлечь внимание государыни, говоря ей с видом притворной доброты: «Екатерина, послушай-ка это! Ну как, тебе это ни о чем не говорит?» Она ответила, изменившись в лице и заикаясь: «Но...». Царь перебил ее: «Но если ты этого не понимаешь, то я хорошо понял, что этот человек — твой брат». «Ну, — сказал он Карлу, — целуй сейчас же подол ее платья и руку как императрице, а затем обними ее как сестру».

При этих словах Екатерина, глубоко пораженная, вся белее полотна, упала в обморок. Принесли соль и одеколон, чтобы привести ее в чувство; и царь был предупредителен более всех, стараясь принести ей облегчение. Он сделал все, что мог, чтобы успокоить ее. Когда он увидел, что она постепенно приходит в себя, то сказал ей: «Что может быть плохого в этом событии? Итак, это — мой шурин. Если он порядочный человек и если у него есть какой-нибудь талант, мы сделаем из него что-нибудь значительное. Успокойся, я не вижу во всем этом ничего такого, от чего нужно было бы огорчаться. Теперь мы осведомлены по вопросу, который стоил нам многих поисков». Царица, вставая,

попросила разрешения обнять брата и, обращаясь к царю, добавила, что надеется и на дальнейшую его милость по отношению к ней и брату.

Скавронскому [19](#) приказали оставаться в том же доме, где он жил. Его заверили, что у него не будет ни в чем недостатка, и кроме того попросили не слишком показываться на людях и поступать во всем так, как ему скажет хозяин, у которого он находился. Утверждают, что все прежнее царское величие Екатерины было уязвлено и оскорблено этим опознаванием и что, конечно, она избрала бы себе другое происхождение, если бы только была на то ее воля.

Вот так, благодаря неожиданному приключению, о котором я рассказал, была раскрыта тайна рождения Екатерины в момент, когда все были менее всего готовы к этому. Так судьба беспрестанно играет бессильными противостоять ей смертными, то возвышая, то унижая их по своей прихоти. Кажется, что она укоряет в своих благодеяниях тех, кого она возвышает более всего, и что ей доставляет удовольствие нарушать их благополучие, внушая им мысль об их ничтожестве, несмотря на все их богатство. Таким образом она утешает людей, которым она уготовила посредственные условия жизни, показывая им, что если почести и высокие звания освобождают тех, кому она их посылает, от некоторых жизненных испытаний, то она не избавляет их ни от многих унижений, ни от слабостей, свойственных человеческой природе. Пример тому — жизнь Екатерины. Как только она оказалась на троне, ее сердце, не имея уже никаких других честолюбивых желаний, подчинилось любви. И вопреки священным законам брака, да еще с таким грозным государем, увлеченным ею до того, что он женился на ней, она ему изменила.

Эта интрига протекала так неосторожно [20](#), что в какой-то момент царица могла бы быть низвергнута с вершины величия в пропасть самого трагического бесчестия. Она отделалась лишь страхом и этим обязана в первую очередь графу [\[151\]](#) Толстому и графу Остерману, министрам двора [21](#), которые успокоили первое движение, как я бы сказал, государева гнева [22](#), удержав его от мести, которую он замыслил против своей неверной жены, с которой он хотел поступить так, как поступил английский король Генрих VIII с Анной Болейн. Но, к счастью для Екатерины, два министра, во-первых, отразили этот удар и, во-вторых, некоторое время спустя после этого ее счастливая звезда освободила ее полностью от последствий, быть может, тайных, но все же ужасных, которые по всеобщему мнению должны были рано или поздно иметь место, если бы тем временем естественная смерть не унесла ее мстительного мужа. Такое мнение высказывали все те, кто прекрасно знал характер Петра I и кто постоянно был приближен к его персоне. Однако он не отправился в другой мир, не осуществив, хотя бы частично, своей мести. Весь свой гнев он выместил на любовнике, которому публично отрубили голову, осудив за вымышленные преступления, а не за те настоящие, за которые он был казнен [23](#).

Что касается любовницы, то царь получил удовлетворение от того, что через 10 или 12 дней после казни, о которой только что говорилось, ей показали тело ее любовника и его голову, посаженную на кол посреди площади. Он заставил ее пересечь эту площадь по диагонали, чтобы перед ней предстало все это ужасное зрелище с эшафотом. Царь совсем не подготовил ее к такому зрелищу. Он ей предложил, выезжая из дворца на открытых санях, направиться в отдаленный квартал, куда они часто ездили вместе. Все время, пока они пересекали площадь, он пристально и злобно следил за ней. Но у нее хватило твердости сдержать слезы и не проявить никакого волнения. Я знаю, что это приключение дало повод как в России, так и в дальних странах, подозревать Екатерину в том, что она, как ловкая женщина, предупредила намерения своего мужа, отравив его. Никогда не было более ошибочного предположения, хотя оно и казалось правдоподобным. Этот государь умер от задержания мочи, вызванного воспалением язвы, которая с давних пор была у него на шейке мочевого пузыря. Он постоянно лечился от этой болезни, но все средства были безуспешными.

Короче говоря, после его естественной смерти его жена Екатерина наследовала ему, несмотря на все то, что произошло между ними. Главным документом, в силу которого она завладела тронном, было завещание, оставленное ее мужем еще до их ссоры в архиве Сената. Однако в момент его смерти в Сенате не нашли завещания, потому что незадолго до смерти он забрал его и разорвал в приступе ярости. Когда же встал вопрос о провозглашении Екатерины царицей, удовлетворились лишь неопределенным упоминанием об этом акте, не дав себе труда поискать его, чтобы сделать подлинные копии. Это дело встретило бы, несомненно, со стороны народа больше сопротивления, чем это было на самом деле, если бы Меншиков, который в качестве фельдмаршала империи командовал всеми войсками, не дал бы соответствующих распоряжений и не уладил бы все таким образом, что призвал к уважению и заставил молчать всех тех, кто хотел отстаивать права Великого князя Московского, естественного и законного наследника трона (внука Петра I по прямой мужской линии). Но ни расположение народа в его пользу, ни законность его прав не помешали тому, что корона была возложена на голову Екатерины. Ее первой заботой было стремление не пренебрегать никакими внешними проявлениями чувств, чтобы показать ту боль, какую ей должна была причинить смерть ее мужа.

В течение 40 дней, пока его тело, согласно обычаю страны, было выставлено для обозрения публики, на парадном ложе, она приходила регулярно утром и вечером, чтобы провести полчаса около него. Она его обнимала, целовала руки, вздыхала, причитала и проливали всякий раз поток искренних или притворных слез. В этом выражении нет никакого преувеличения. Она проливали слезы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была там у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает. Я знал двух англичан, которые не пропустили ни одного из 40 дней. И я сам, хотя и знал, чего стоят эти слезы, всегда бывал так взволнован, как будто бы находился на представлении с Андромахой.

Она не только устроила ему пышные похороны, каких никогда не видели прежде, но и пожелала сопровождать кортеж пешком, несмотря на ужасный холод. [152]

Она прошла пол-лье всего того пути от императорского дворца до церкви, где государь был похоронен. После того как она постоянно присутствовала на всех службах, которые длились очень долго, она почувствовала себя очень плохо. Одни говорят, что это в результате большого горя, другие считают, что от большой усталости.

Пусть те, кто прочтет эти мемуары, думают, что хотят. Я скажу только, что если ее царствование и не было долгим, то оно было чрезвычайно спокойным; что она управляла своим народом с большей мягкостью, чем ее муж, следуя, однако, правилам и максимам этого государя; что она имела такое мужество и силу, какие мало присущи лицам ее пола; что ей нравился звон оружия и походы армий, в которых она всегда сопровождала своего мужа. Немногие умели прищипорить лошадь с такой грациозностью, как она. Имея необыкновенную склонность к навигации и флоту, она устраивала почти каждое воскресенье и по праздникам летом представление с морским боем. Она часто посещала арсеналы и верфи своего адмиралтейства. В 1726 г. она намеревалась (если бы ей не помешал ее советник) отправиться во главе своего флота сражаться с английским и датским флотами, которые нахально подошли к ревальскому рейду под предлогом умиротворения северных дел. В правление Екатерины Российская империя несколько не потеряла в своем величии. Именно ей обязан русский двор обычаями, приобщающими к цивилизации, и великолепием, которое там теперь можно увидеть. Не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском,

немецком, шведском, польском и к этому можно добавить еще, что она понимала немного по-французски.

Ей не чуждо было чувство любви, и, казалось, она была создана для нее. Из-за своей красоты она пострадала от грубости морского офицера Вильбуа, анекдот о котором я уже рассказывал отдельно. Это был пьяный бретонец, забывший, кем она была. Он нанес большой ущерб ее чести через несколько месяцев после объявления о ее браке с царем. Последний, решив, что офицер в этот момент был так же неподвластен самому себе, как и оскорбленная им, выразил больше сострадания, чем гнева. У нее не было такого недостатка, чтобы похвалиться своим постоянством и обходиться плохо с теми, к кому она проявила свою нежность. Она делала своих любовников своими друзьями, и доказательством этого является Меншиков, граф Лёвенвольд и Сапега. Она любила одного, а потом другого из этих двух последних в короткий двухлетний период ее царствования. Она умела владеть своим сердцем и чувствами или, лучше сказать, своими поступками [24](#). Что касается суеверий, то она нисколько не уступала в этом своему мужу и верила в сны [25](#). Она была убеждена, что они нам посылаются, чтобы объявить о счастливых или ужасных событиях. Она рассказывала свои сны фрейлинам и требовала у них объяснений. Если они давали непонятные объяснения, то она говорила об этом за столом, чтобы все могли высказать свое мнение по этому вопросу [26](#).

Она умерла спокойно в своей кровати 5 мая 1727 года от слабости, которая длилась два месяца, и причин которой не знали и не искали. Говорили о ней, как и о ее муже, что она была отравлена. Подозрение, справедливо ли оно было или ложно, пало на князя Меншикова, потому что он тайно поддерживал сторону Великого князя Московского, которого решил сделать своим зятем. После смерти Екатерины он захватил бразды правления от имени этого цесаревича. Этот человек, великий и редкий в своем роде, вел себя как настоящий скиф и заставил всех очень сожалеть о царствовании Екатерины.

Конец рассказа о жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I, или Великого.

Комментарии

1. До настоящего момента лишь один автор взялся за описание жизни этой государыни под заглавием: «Мемуары об истории жизни Екатерины, императрицы русских». Эти мемуары (столь бесформенные, что это невозможно выразить) были написаны наспех по приказу покойного герцога Гольштейн-Готторпского (зятя этой императрицы), довольно плохим автором, которому щедро платили. Предполагают, и очевидно это так, что автором был барон Левиссон, так как имеется большое сходство между этими мемуарами и теми, которые он опубликовал как историю Петра Великого. Поэтому нет почти никакого сомнения, что они вышли из-под одного пера, то есть пера барона Левиссона, который счел нужным скрыть свое настоящее имя под именем Иван Нестезураной. Впрочем, все люди, как-то связанные с российским двором во времена царствования Петра и Екатерины, считают, что прочесть эти мемуары еще не означает познакомиться с жизнью Петра и Екатерины. Они составлены очень слабым и пристрастным автором, который работал, так сказать, под диктовку зятя этой государыни. Этого достаточно, чтобы составить о его работе то мнение, которого она заслуживает.

2. Она была матерью правящей ныне цесаревны Елизаветы и бабушкой герцога Гольштейн-Готторпского, ныне великого князя русского.

3. Это слово, используемое для обозначения суверенов России, греческого происхождения (времен рабовладения) и обозначает оно: держать власть в своих руках.

4. Барон Иван Нестезураной в своих мемуарах, будучи ловким и законченным царедворцем, дал как в отношении этой императрицы, так и в отношении двух ее дочерей, Анны и Елизаветы, на три года более ранние даты рождения.
5. Суперинтендант — так называют среди лютеран в тех провинциях, где нет епископов, некоторых священников, которые имеют старшинство и надзор над всеми другими пасторами или кюре. Функции этого сана примерно те же, что и функции архипастыря в Римской церкви.
6. Предполагают, что суперинтендант заметил, что, с одной стороны, его старший сын смотрел на эту служанку слишком благосклонно, чему не подобало быть в доме священника, а с другой стороны, девушка была не безразлична к тем взглядам, которые бросал на нее молодой человек, если эта игра уже не зашла дальше.
7. Брабанты во время правления шведского короля Карла XII набирались из отборной кавалерии. Их набирали во всех армиях этого государя, который создал из них специальные отряды для охраны его персоны. Эти всадники выполняли в Швеции такую же функцию, как телохранители во Франции или, лучше сказать конные гренадеры.
8. Екатерина и герцог Гольштейнский, ее зять, имели на севере как друзей, так и врагов. Последние, которых было больше, повсюду публиковали все, что они знали об этой свадьбе с брабантом. Сторонники Екатерины отрицали и продолжают отрицать этот факт. Но он был так хорошо освещен их врагами, что тот, кто был беспристрастен в этих спорах, прекрасно понимал, что правда была на стороне последних.
9. Чтобы показать, до какой степени простиралась в России власть господ над рабами, приведу решение Синода в отношении одного монаха, на которого пожаловался его маленький слуга. Он заявил, что этот монах заставлял его делать то, к чему его пол не был приспособлен. Синод вызвал монаха, который на очной ставке с мальчиком признал правильность обвинения. Синод спросил, являлся ли мальчик крепостным либо наемным слугой, и, поскольку было доказано, что тот был крепостным, объявил, что монах имел право делать с ним все, что хотел. Но монаху посоветовали избавиться от этого крепостного внесудебным путем.
10. Нотебургом назывался у шведов Орешек (Шлиссельбург). — *Ред.*
11. Этот государь ставил ухаживание, если можно употребить такое деликатное слово, чтобы выразить то, что он хотел сказать, в число таких же необходимых потребностей, как еда и питье. Он говорил, что так же, как назначается цена на продукты питания, нужно установить цену за любовь, и в этом духе он установил таксу не только на свои любовные утехы, но и на удовольствия для других сословий. Согласно его тарифу, девица не могла требовать за это более одной копейки, или одного су, от солдата, который может истратить за день только три. И в такой же пропорции был установлен тариф для других.
12. Говорят, что он бил его палкой, и в этом нет ничего удивительного; это было не в первый и не в последний раз. Хотя это покажется невероятным, тем не менее, это правда. Тем, кто знал этого государя, известна его манера обращаться с подчиненными, если он был ими недоволен и если не хотел предавать их законному правосудию, чтобы не быть вынужденным отдать их под суд. Они знают также, что те, которым он устраивал свой суд, могли быть очень хорошо приняты им четверть часа спустя. В каждой стране — свои обычаи, свой государь, свой характер.
13. Елизавета, императрица всяя Руси, которая так благополучно царствует в настоящий момент, и герцог Гольштейн-Готторпский, ее племянник.

14. Я использую более охотно слово «триумфальный», чем слова «торжественный, победоносный», потому что первое, как мне кажется, выражает лучше то настроение, в котором проходила эта церемония. Ее особенности, а также истинные мотивы и цели того, почему царь устроил это шествие 14 тысяч шведских пленных, вполне заслуживают описания со стороны более знающего писателя, чем упомянутый барон. Я мог бы этим заняться когда-нибудь, если бы у меня было достаточно здоровья и свободы духа.

15. Антуан Перес, бывший министр испанского короля Филиппа II, говорит в одном месте своих мемуаров, что фавориты королей подвержены внезапной смерти. В другом месте он говорит, что существует большая разница между рогоносцами, ставшими таковыми по вине коронованных особ, и рогоносцами, извлекающими денежную выгоду из своего положения. Первые, по его мнению, вынуждены жить вдали от света, в каком-нибудь безвестном месте, скрываясь от преследований монархов, которые их бесчестят. А вторые пользуются благами и удобствами людей, которым судьба подарила все и которые прикрывают красивым словом «дружба» наносимое им бесчестие.

16. В последние дни жизни Екатерины русский двор пребывал в великом волнении в связи с вопросом о ее наследнике. Эта проблема вызвала даже спор, доходивший до грубости, между князем Меншиковым и министром герцога Гольштейнского Бассевичем. Князь Меншиков поддерживал права Великого князя Московского, внука Петра I и его первой жены, а Бассевич поддерживал претензии княгини Анны Гольштейнской и цесаревны Елизаветы — дочерей второй жены Петра I. Именно в этом споре Меншиков отмечал и доказывал порочность рождения дочерей Екатерины, которых он считал вдвойне незаконнорожденными, так как родились они в то время, когда брабант (муж Екатерины) и Евдокия (жена царя) были еще живы. Если князь Меншиков и был неправ в этом случае, так лишь в том, что выражал свое мнение в столь неосмотрительных и непристойных терминах, что мне стыдно их вспоминать.

17. Согласно греко-русской, православной, церкви крещение не имеет неизгладимого характера. Здесь крестят второй раз не только тех, кто уже был окрещен в другой христианской религии, но даже и тех, кто, родившись православным, хочет вернуться в лоно русской церкви снова после того, как по разным причинам от нее отрекался. Я могу привести в пример молодого русского дворянина, который, проведя несколько лет во Франции, был вынужден, чтобы жениться, принять католическую веру. Вернувшись в свою страну, он заявил об этом своим попам на исповеди во время тяжелой болезни в Москве. Попы отказывались причастить его в предсмертный час и совершить миропомазание до тех пор, пока он снова не будет окрещен в прежнюю веру. Это было сделано за 24 часа до его смерти, которой эта церемония немало способствовала. У них манера причащать отличается от католического причастия тем, что лица, которых крестят, погружаются три раза, совершенно голые, в реку или в большие чаны с холодной водой. Священник, проводящий эту церемонию, держит их под мышками в течение трех погружений. Это осуществляется одинаково с людьми любого возраста и пола, и попы не хотят ни в малейшей степени отступать от этого обряда при крещении взрослых людей, даже хотя бы ради приличия или щадя зрителей.

18. Никогда еще не было государя, столь доступного и столь добродушного в частной жизни, каким был Петр I. Часто случалось так, что он желая свободно побеседовать с кем-нибудь — офицером, купцом или артистом, — отправлялся неожиданно к ним домой без свиты, и, если это было в час обеда, садился безо всяких церемоний за стол со всею семьей. Он хотел, чтобы хозяин дома и все, находившиеся за столом, забыли, кем он являлся, и обращались с ним, как с равным. Чтобы ему понравиться в таких случаях, нужно было не оказывать ему никаких особых знаков почтения. Таким добрым он становился, когда бывал с простыми людьми. Когда же он обращался с монархами, то имел чрезвычайно надменный вид и был очень строг в вопросах церемониала.

19. Можно предположить, что этот крестьянин по каким-то смутным не определенным признакам подозревал, что Екатерина могла быть его сестрой. Но он не был уверен в этом и не осмеливался высказать, что думал об этом. Свое подозрение он решился высказать скорее под воздействием вина, чем в результате каких-то размышлений. Можно также предположить, что воспоминания о первых детских годах Екатерины не стерлись и сохранились в его памяти.

20. Я вспоминаю, что в начале этой интриги, будучи при дворе, но совершенно ничего не зная о том, что происходило между царицей и ее камергером Монсом де ла Круа, я не только подозревал об этом, видя их вместе, но даже и не сомневался в этом. Хотя я их видел лишь публично, но однажды, когда при дворе было большое скопление народа, я, как никогда ранее, понял, насколько слепа любовь и что ее труднее скрыть, чем что-либо иное.

21. Царь при первых же бесспорных доказательствах неверности его жены хотел учинить над нею суд в Сенате, чтобы устроить ей публичную казнь. Когда же он сказал о своем намерении графам Толстому и Остерману, оба они кинулись к его ногам, чтобы заставить его отказаться от этого. И если это им удалось, то не потому, что они ему доказали, что самое мудрое решение состояло в том, чтобы замять это дело как можно быстрее, иначе оно станет в глазах всего мира первым знаком его бесчестия: это им удалось лишь потому, что они затронули вопрос о его двух дочерях от этой женщины, к которым он питал большую нежность. В то время шли переговоры об их замужестве с европейскими государями, которые, конечно, не захотели бы на них жениться после такого скандала.

22. Приступ его гнева против Екатерины был таков, что он едва не убил детей, которых имел от нее. Мне известно от одной французской девушки (фрейлины, которая прислуживала цесаревнам Анне и Елизавете), что царь, вернувшись однажды вечером из крепости в Петербурге, где шел процесс над господином Монсом де ла Круа, внезапно вошел в комнату молодых цесаревен, которые занимались какой-то свойственной их положению работой вместе с несколькими девушками, находившимися при них для их воспитания и развлечения. По словам фрейлины, он имел такой ужасный, такой угрожающий вид, был настолько вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен, как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось пребывали в конвульсиях. Он ходил несколько минут, не говоря никому ни слова и бросая страшные взгляды на своих дочерей, которые, дрожа от испуга, тихонько проскользнули вместе с девушками в другую комнату и укрылись там. Раз двадцать он вынимал и прятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса, и ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось такими страшными гримасами и судорогами, что фрейлина-француженка, которая не смогла еще убежать, не зная, куда деваться, спряталась под стол, где она оставалась, пока он не вышел. Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он стукнул дверью с такой силой, что разбил ее.

23. Этого любовника звали Монс де ла Круа. Он родился в Москве. Родители его были немцы, считавшие себя выходцами из Франции, что подтверждает его фамилия. Это был один из самых красивых людей, каких только можно встретить. Страсть Екатерины к нему была такой сильной, что все это замечали. И, конечно, она стала известна царю. Жертвой этой любви оказался любовник. Петр I назначил комиссаров, которых сам же и возглавил, чтобы допросить преступника конфиденциально, секретно. Этому человеку были известны истинные мотивы процесса, который организовали против него. Он сам помог выдвинуть такое обвинение, которое бы никого не обесчестило, объявив себя, по собственному почину, виновным в многочисленных взятках, за которые его и судили, и он был обезглавлен в Петербурге. Кроме своей природной красоты он обладал грациозностью во всех своих поступках, которую он сохранил и на эшафоте. Даже в тот

момент, когда удар топора отсек ему голову, он продолжал оставаться все тем же человеком, скорее желая, а не боясь смерти. Под предлогом, что ему необходимо побеседовать с лютеранским священником, который его сопровождал, за несколько минут до казни он передал ему золотые часы, внутри которых находился портрет царицы. Он отвел также в сторону палача, чтобы предупредить его, что в подкладке его брюк находится портрет, обрамленный бриллиантами, и велел ему взять этот портрет и бросить в огонь. Это тоже был портрет Екатерины. У него имелся еще и третий, который он ловко передал одному скромному человеку в то время, когда его перевозили из дома в крепостную тюрьму.

24. В течение двух лет и нескольких месяцев, пока она правила, у нее были только эти два любовника. Она любила графа Лёвенвольда в течение 8—9 месяцев, а затем сделала его своим другом, отдав всю свою нежность графу Сапеге. Это был молодой польский вельможа, красивый и хорошо сложенный, которого она женила на своей племяннице Скавронской, чтобы иметь предлог, как об этом говорили, держать постоянно при себе этого молодого человека. Эта племянница была дочерью крестьянина, о котором говорилось в этих рассказах и семья которого находится теперь в родстве с самыми блестящими домами Европы. Граф Сапега был кузеном короля Станислава со стороны Лещинских и польской королевы Опалинской по линии Опалинских.

25. Петр I всегда имел рядом со своей кроватью карандаш, привязанный к грифельной доске, на которой он записывал свои сны, чтобы утром, проснувшись, вспомнить о них.

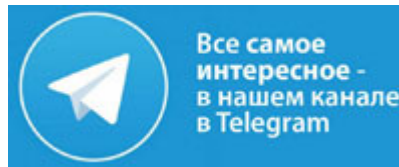
26. Я считал бы вполне извинительным это ее суеверие, если бы все сны, которые она обычно видела, были бы такими же многозначительными, как те два, которые стали мне известны от ее фрейлин. Эти сны она видела прежде тех событий, которые они якобы объясняли. Первый сон она увидела за 15 дней до раскрытия ее интриги со своим камергером Монсом де ла Круа. Ей снилось, что она видит на своей кровати множество маленьких змей, которые приближались к ней, поднимая головы и шипя. Среди них была одна огромной величины, которая обвила все ее тело с головы до ног. Сделав большие усилия, чтобы избавиться от нее, она сумела наконец задушить ее именно в тот момент, когда та собиралась ужалить ее в грудь. И тогда она увидела, как в один миг уползли и исчезли все остальные змеи. Те, кто читал в этих записках, в каком затруднительном положении она находилась во время истории с Монсом, могут вполне справедливо сопоставить этот сон с данными событиями. Она сама его объясняла так, что он предсказывал ей большие неприятности, из которых она благополучно выпутается; что маленькие змеи означали большое количество мелких тайных врагов, которых она имела при дворе и над которыми она вскоре восторжествует, когда избавится от некоторых могущественных лиц, которые хотят посягнуть на ее жизнь и о которых она не могла догадываться.

Второй сон был за три месяца до ее смерти. Она была еще совсем здорова. Ей снилось, что когда она была за столом со всеми министрами своего совета, вдруг появился Петр I, окруженный ярким светом и одетый римлянином. Он подошел к ней с величественным и удовлетворенным видом, обнял ее и унес в огромное воздушное пространство. Посмотрев оттуда вниз, она увидела своих дочерей Анну и Елизавету в окружении толпы людей из самых разных народов и обличий, которые дрались друг с другом. Объяснение, которое она дала этому сну, было следующее: сон ей предсказывал, что она скоро умрет и что в России будут беспорядки после ее смерти. Ее предсказание сбылось.

Текст воспроизведен по изданию: Вильбуа. Рассказы о российском дворе. // Вопросы истории. №12, 1991.

Еще больше интересных материалов на нашем телеграм-канале [□ Вперед в прошлое |](#)
[Документы и факты □](#)

Печать

Поделиться

[Главная страница](#) | [Обратная связь](#)
COPYRIGHT © 2008-2024 All Rights Reserved.

